

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Одоевский

Мартингал

«Public Domain»

1846

Одоевский В. Ф.

Мартингал / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1846

«Мне давно уже хотелось посмотреть на жизнь с исключительной точки зрения двух классов людей, присутствующих решительным минутам нашего существования: врача и гробовщика...»

© Одоевский В. Ф., 1846

© Public Domain, 1846

Содержание

Владимир Федорович Одоевский

Мартингал¹

Из записок гробовщика

... Не все для мертвых – однажды мне случилось поработать и для живых. Странная была история – никогда ее не забуду. Видите: нашла какая-то полоса, не знаю как ее назвать, счастливая или несчастная, но для меня по крайней мере очень убыточная; как бы вам сказать поблаготрипличнее, покос был плохой, то есть не было требований на мое изделие... Оно, в общем смысле, может быть, было и очень хорошо, да для меня-то очень дурно; что дурно? Просто беда, да и только! Не соблазняйте, сделайте милость, моими словами; не я в том виноват, уж так свет устроен, что почти всякий прибыток живет на счет чужого несчастья. Уж, кажется, что может быть почтеннее докторского дела; тут нужно и ученье, и твердость духа, и благородство, и самоотвержение, словом, вся любовь человеческая, – а разберите-ка хорошенько, так и выйдет, что его ремесло хуже моего; я по крайней мере работаю – для других, да и для себя, а бедный доктор именно против себя работает, тут уж как ни вертись, и ночи просиживай, и хлопочи над больным, и подымай целый свет, чтоб его вылечить – все так; кажется, вся цель именно в том, чтобы не было вовсе больных, а достигни цели, не будь больных – филантропу и придется зубы положить на полку. Что тут делать! Уж так свет устроен, говорю вам; зачем оно так? Должно ли оно быть так? Надолго ли так? Это до меня не касается; знаю только, что так свет покуда устроен: дело коммерческое! И, кажется, рад, что не видишь слез, что не слышишь рыдания, – а с другой стороны, посмотришь; и жене нужна обнова, и детям игрушка, и себе бутылка пива, да и товар закуплен, работники без дела, векселям срок близко, даже и о банкротстве помышляешь, – вот мысли иначе и свернутся.

Так не судите ж меня, что я волею и неволею горевал над чужим счастьем. Чтобы не терять понапрасну времени, я заготовил два экземпляра моего изделия и на досуге снарядил как нельзя лучше: доски сухие, бархат настоящий французский, гвозди полированные – любодорого смотреть, я таки, признаюсь, и посматривал да, так сказать, немножко подумывал: не пошлет ли судьба – желающего.

Смотрю – к окошку прильнули два лица, глядят пристально на мою выставку, переговариваются, – видно, понравилась – я жду: что-то будет! – а между тем, нечего греха таить, в голове у меня так и завертелся чепчик, которого просила Энхен к балу на будущей неделе у нашего соседа-портного. Житейское дело, сударь! Все на свете ассигнация! У одного из бумаги, у другого из полугара², у третьего из мягкой спины, у четвертого из досок и обита бархатом, – а на поверку все то же: как бы разменять свою ассигнацию! Наконец, звонок зазвенел, и в рабочую вошли два человека. Один уж пожилой, с черными усами, пресуровой осанки и, как теперь смотрю, в синей венгерке; другой молодой, бледный как смерть, с покрасневшими глазами и отчаянным видом.

– А что оба? – сказал мне пожилой отрывистым басом, указывая на мое изделие.

– Оба?... – спросил я невольно.

– Ну, оба? Что же? Разве странно?

Я сказал цену.

– А дешевле?

– Я не торгуюсь.

– Готовы?

² ...из полугара... – Так в XIX в. называлось хлебное вино (водка), употреблявшееся простым народом.

– Нет! Еще винты надобно приладить, – чтобы остановки не было, знаете, когда... впрочем, это минутное дело...

Человек в венгерке вынул деньги, положил их на стол, промолвил: – завтра, в такой-то дом, в девять часов утра... и тихими шагами пошел к дверям, за ним побрел и молодой человек, – я не мог не заметить, что он трясся как в лихорадке.

Признаюсь, я взял деньги, пересчитал их, и не без удовольствия, но на уме у меня было и один и два: «что тут такое? – думал я. – Комедия, или трагедия, или так просто, обыкновенное житейское дело? Мои желающие что-то смотрят так странно; тут не одно горе, – приметался я к нему, – тут что-то такое...» но я терялся в догадках.

После обеда вышел я со двора для закупки кое-чего домашнего; подхожу к Мойке; вижу, кто-то шагает по набережной самым романтическим образом (тогда еще романтизм только что входил в моду) – пройдет несколько шагов, потом остановится, мрачно посмотрит на зияющую бездну, то есть на Мойку, и опять шагает-шагает, опять остановится, вынет из кармана то какую-то записку, то платок и по очереди прикладывает к лицу, а иногда и обе вещи вместе прижмет к груди и – опять положит в карман. Глядь – это мой юноша, утренний посетитель, один из желающих. Его странные эволюции не обращали ни малейшего внимания всегда озабоченных петербуржцев; мало ли людей останавливаются смотреть на приятное течение Мойки? – о вкусах спорить нельзя, – но для меня эти эволюции имели какой-то темный смысл, который, по разным причинам, как вы легко можете себе вообразить, мне хотелось разгадать хоть сколько-нибудь. Я своротил на тротуар и пошел вслед за мрачным юношею; скоро я догнал его, снял шляпу и очень вежливо осведомился о его здоровье. Мой герой в первую минуту не узнал меня, и я принужден был ему напомнить, что давеча утром имел удовольствие с ним познакомиться. Герой вздрогнул. Это, однако же, меня не остановило; мы шли в одну и ту же сторону, своротить в улицу было некуда, и волею и неволею романтический юноша должен был подвергнуться моим тонким расспросам. Вы знаете, в карман я за словом не хожу, обучался-таки немножко, слышал про то и другое³, вот я и начал стороною и о красоте природы вообще и Мойки в особенности, о бренности мира, о злополучиях жизни человеческой – словом, мой романтический юноша заслушался, – сначала отвечал мне только какими-то полугласными, а потом мало-помалу и сам разговорился. Вот я речь свою веду тонко, цепляюсь за то, за другое, за примеры пагубного влияния страстей и так далее... мой юноша сам не свой, – да вдруг и брякнул: «Поверьте! Нет ничего хуже картежной игры! Гибель, да и только». – Ге! Ге! – сказал я самому себе, – вот оно что.

Я дальше в расспросы – мой юноша туго подавался, однако ж выпытал я из него, что он играет и давно играет. Тут я счел нужным сделать молодому человеку некоторое нравственное поучение, приличное обстоятельствам, заметил ему, как он вредит самому себе, как расстраивает свое здоровье, и проч. и проч... Молодой человек был, видимо, тронут, – тогда я приступил к патетическому месту речи и стал в резких чертах изображать ему горесть его почтенных родителей, когда они узнают, как он, вместо того чтоб следовать их спасительным наставлениям, убивает понапрасну и способности, и золотое время, и уж хотел было подкрепить слова мои известною латинскою цитациею из Вергилия... как вдруг молодой человек прервал меня:

– Что вы мне говорите! – сказал он. – Если бы вы знали! Родители! Родители! Если бы вы знали, что я взрос на картах, что едва ли не с молоком я сосал их, проклятых! Скажу вам всю правду: отец мой игрок – он игрою сделал себе состояние. Матери моей не помню, но помню до сих пор первые слова, которые на меня действовали: «не кричи, сударь, – говорила мне нянька, – папенька играет» – и я замолкал, переставал плакать. «Папенька играет!» Я еще не вполне понимал эти слова, – но в них было для меня что-то важное, страшное и почтен-

³ Те из читателей, которые помнят другие рассказы гробовщика, может быть, не забыли, что рассказчик готовил себя совсем к другому званию, вообще любит иногда напомнить об том и немножко прихвастнуть. (Примеч. В.Ф. Одоевского.)

ное. Подрастая, я стал замечать, что иногда папенька приходил к нам в детскую, ласкал меня, смеялся, играл с моими старшими братьями, и братья весело шептали между собою: «Слава Богу! Папенька выиграл!» Иногда же папенька был угрюм, сердит, бранил нас за все и про все и драл за уши, – и братья печально прижимались в уголок; я приставал к ним: «Что такое?» они отвечали: «Молчи! Вот уж тебе – разве не видишь, что папенька в проигрыше?» Часто папенька входил к нам с необыкновенно веселым лицом, бросал на стол двадцатипятирублевую ассигнацию и говорил: «Вот вам, дети, на жуировку⁴». Мы хлопали в ладоши, кричали: «папенька выиграл!» и разом у нас являлись и пряники, и конфекты, и игрушки, и все, чего нам только хотелось.

И вот, бывало, когда у отца по ночам игра, мы соберемся тихонько у двери и смотрим в щелку: какое лицо у папеньки? Скоро мы привыкли понимать каждое его движение; у него незаметная улыбка, и у нас дух занимается; у него руки трясутся, и мы дрожим всем телом, жмемся друг к другу, шепчем, задыхаясь: «Ах! проигрывает!.. нет! стирает... верно, лучше... дай-то Бог!» В эти минуты уж ничем не могли нас отманить няньки, ни игрушками, ни конфектами, мы уж чувствовали всю игрецкую сладость, всю игрецкую желчь, сердчишко стучало как молоток, мы злились вместе с отцом, мы сжимали кулаки и проклинали счастливого понтера, который отгребал себе кучу денег; но когда понтеры выходили из себя, рвали на себе волосы, бросали под стол измятые карты – то-то была радость, – то-то было счастье! Мы обнимали друг друга, целовались и радостно шептали промеж себя: «Папенька выиграл! Папенька выиграл!» Вот мое первое воспитание.

Лет пятнадцати я уж помогал отцу; если, бывало, в долгие ночи он устанет от сиденья, то заставит меня метать⁵, а сам ходит по комнате, смотрит на мое мастерство и похваливает или побранивает. По утрам, бывало, от нечего делать учит меня, как держать руки, чтоб не видать было углов, показывает, чем понтер может обмануть банкомета, или играет со мною в пикет для развлечения и сердится, когда я промахнусь. Отправляя меня в Петербург, отец мне дал только одно наставление: «Смотри, брат, не зевай, – знай, с кем играешь, да играй с толком, – а пуще всего никогда не понтируй – знай мечи честный банк, – всегда будешь в выигрыше». – Хорошо ему было говорить: не понтируй! – хорошо, что у него кровь холодная, – сидит себе мечет, глазом не мигнет, а ведь что ни говори, а понт и есть настоящая игра, – все дрянь перед ним, – тут – и сердце бьется, и голова трещит... Помню, как однажды на сторублевую ассигнацию я взял десять тысяч – в две минуты, не более – вот это куш, – индо пот пробил, а на душе-то, на душе – женский поцелуй ничто! – И ведь не деньги главное, – а вот то, что сердце щиплет – и рассказать нельзя... как тут не понтировать⁶... то есть так, – скажу вам всю правду, вот видите эту записку, – я вам покажу... в ней нет ничего особого... только цифра «двенадцать с четвертью» – понимаете? Если бы вы знали, чья рука это писала! Вот уж три месяца добивался я этой записки, – мучился, страдал... а все-таки – хоть сейчас, если бы можно, поставил на карту...

– А счастливо играете? – спросил я.

Молодой человек рванул меня за рукав: «Эх! Что вы мне напомнили!»

– Что, видно, крепко проигрались?

– Не спрашивайте лучше... беда, да и только!

– Ну, да вот господин, что с вами приходил, разве он...

– Кто? Дядя? – У! он человек строгий, страшный человек, и чудака и кремень. Был в старину игроком, теперь карт в руки не берет... неумолимый человек! Что за правила...

⁴ На жуировку – на развлечения (от фр. jouer).

⁵ Метать... банк. – Это делает банкOMET, ставящий на карту какую-либо сумму денег.

⁶ Понтировать – идти против банкомета, ведущего участника игры, который держит банк. Понтировать ва-банк – значит ставить сумму, равную банку.

– Да разве он не может?..

«Кто? Он? у него одна поговорка: „Что должно, то должно! Давши слово, держись!“ Да как заладит ее, – так уж тут что хочешь. Вы не знаете, что это за человек! Ужас! Ни суда, ни милосердия. „Все это вздор! – говорит, – бабы выдумали!“ Однажды дядя узнал, что кто-то про него сказал дурное слово, – дядя нахмурился и обещал, что отнесется к личности обидчика, сказал и пошел в дом к нему, приходит, ему говорят, что уж-де три дня как в заразной горячке с пятнами, – „а мне что нужды? – ответил дядя. – Долг! Святой долг!“ Родственники, прокуренные хлором, с почтением пропустили такого неустрашимого друга, а дядя в спальню, прямо к постели больного, да не говоря лишнего слова...» Молодой человек запнулся – перед нами явилась фигура в венгерке. Ужасный дядя поглядел на меня искоса, холодно отвечал на мой поклон, взял племянника под руку и повел его в другую сторону, как ребенка.

Очень мне было досадно! Только что молодежь распоясался! Не успел я у него ничего хорошенько повыспросить: кого они из родни потеряли? Отчего двоих вместе? Нет ли тут чего другого? Такая досада – нечего было дома жене рассказать.

На другой день по условию, ровно в девять часов, я явился в назначенный дом с произведениями моего искусства. Между тем, как я узнал после, случилось следующее происшествие.

Накануне, около часа пополудни, племянник пришел к дяде в отчаянном положении, и между ними произошел следующий разговор:

Дядя: «Что, играл?»

Племянник: – Играл.

– У кого?

– У Тяпкина...

– Понтировал?

– Понтировал...

– Проиграл?

– Проиграл...

– Много?

– Двести...

– Заплатил?

– Сто заплатил... сто через двадцать четыре часа...

– Есть?

– Нет...

– Что же ты?..

– Пулю в лоб...

– Хорошо.

Дядя замолчал. Племянник тоже. Так прошло четверть часа. Дядя молчал. Племянник начал:

– Дядюшка...

– Что?..

– Дядюшка...

– Что такое?..

– Мне девятнадцать лет...

– Когда?..

– В этом году...

– Правда...

Дядя замолчал. Племянник тоже. Прошло еще четверть часа. Племянник опять:

– Дядюшка...

– Что?..

– Завтра в двенадцать с четвертью...

- Что такое?
- Моя графиня...
- Не дурна...
- В первый раз...
- Поздравляю...

Дядя замолчал. Племянник тоже. Прошло еще четверть часа.

- Дядюшка...
- Что?..
- Неужели, в самом деле, пулю в лоб?..
- Непременно...
- Нет надежды!..

– Понтировал... Говорили... Не послушался... Хочешь своим умом жить. Вольнодумство. Подлость. Гнусность. Что на поверку? Долг, святой долг. Нечем? Одно средство...

Дядя замолчал. Племянник тоже. Прошло еще четверть часа... Племянник встал:

- Дядя! – сказал он.
- Что такое?
- Однажды отец мой выручил тебя из беды...
- Правда, хорошо.

Дядя спокойно вынул лист бумаги и принялся писать. Племянник смотрел на него с нетерпением. Дядя исписал лист; потом отворил комод, вынул из него какие-то бумаги, положил в конверт, надписал, запечатал, сказал: «Теперь все в порядке»; потом пододвинул к себе прекрасный ящик красного дерева, открыл и примолвил: «настоящий кухенрейт⁷; никогда не осекаются».

Спокойно осматривал дядя один пистолет за другим: спускал курок, отвергивал винты, бережно вытирал их замшею и опять привертывал.

- Что все это значит? – вскричал племянник, наконец выведенный из терпенья.
- Ничего. Однажды твой отец выручил меня из беды. Правда. Долг, святой долг. Хочешь прочесть?..

Дядя подал племяннику исписанный лист бумаги, и племянник прочел с ужасом:

«Никто не виноват. Мы сами своей волею.

За вырытие двух могил столько-то.

Доктору за осмотр столько-то.

На угощение столько-то.

Итого: 515 р. 75 к., которые при сем прилагаются.

Такого-то числа в 12 с четвертью пополуночи».

– Вы шутите? – вскричал молодой человек.

– Я? – спокойно спросил дядя.

– Что значит эта бумага?

– Ничего. Порядок, как всегда. Так должно. Так привык. А то известное дело, после меня, на то, на се, растащут, разворуют...

– Вы сами?..

– Да – я сам. Твой отец выручил меня из беды. Правда. Долг, святой долг!..

– Но у вас есть деньги?..

– Есть деньги – немного, есть и дети – их много. Без изъяна на них достанет, с изъяном – не достанет. – Не по миру же им – ради тебя.

– Что ж вы намерены делать?..

⁷ ...кухенрейт... – Имеются в виду дуэльные пистолеты работы оружейного мастера Кухенрейтера.

– Что должно. В полночь 24 часа. Честь страдает. В долгий ящик – поздно. Сегодня зову на игру. На квит не согласятся. Одно средство: двоить – на мартингал. Твой отец меня выручил. Тряхну стариной. Или пан, или пропал. Повезет до полночи – хорошо, – не повезет – ты и я разом – и концы в воду.

– Это ужасно! Неужели нет другого средства?.. в девятнадцать лет... Графиня... счастье...

– Поздно хныкать... Говорили. Не послушал. Убивал и время, и деньги. Теперь поздно. Твой отец выручил меня из беды. Делаю, что могу. Спасая семейную честь...

– Неужели нельзя перехватить где-нибудь?..

– Занять? Кому? Тебе? Игроку? Шутишь. Я – не могу и не хочу. Тут долг.

Они снова замолчали.

Через несколько времени дядя встал.

– И забыл с тобою. Пойдем-ка. Надобно позаботиться о новоселье.

– О новоселье? – повторил молодой человек.

– А как же. Все надобно приготовить, честно рассчитаться – и лишнего не платить. То ли дело свой глаз.

За новосельем они приходили ко мне. Затем дядя назвал племянника бабою и послал его просвежиться, – но издали за ним подсматривал.

Около одиннадцати часов дядя еще раз осмотрел пистолеты; вогнал пули, – наложил пистоны.

– Вот, – сказал он, – два для тебя, два для меня. Один не удастся – другой не обманет. Тебе без денег нечего соваться, да и голова у тебя не в порядке. Сиди в кабинете и жди. Если в полночь не отыгрались – я к тебе... и тогда – прежде ты, потому что ты баба... или... ты меня знаешь... мое слово крепко и рука также... я ж подоспею...

Между тем в гостиной расставлялись столы, зажигались лампы и свечи, слуги суетились, – прохожие останавливались у окон и говорили: «Эх светло – видно, бал какой?»

Игроки начали собираться.

Дядя стал выходить из кабинета.

– Дядя! Неужели все кончено? – робко проговорил бедный молодой человек...

– Нет! Еще не все! Ты баба, – отвечал старик и вышел в гостиную.

Описывать нечего, что происходило в эту минуту в душе молодого человека, – вы найдете это описание в любом романе⁸.

В полутемном кабинете, прильнув к двери, он почти без памяти смотрел в светлую гостиную; все, что пред ним было, представлялось ему сном, сценой, в каком-то тумане... он видел и не видел, слышал и не слышал: вот гости раскланиваются, пожимают друг другу руки, расходятся кучками, сходятся вместе, – слышны разные речи, о погоде, о театре, о выигрышах и проигрышах; вот подают чай; вот Тяпкин предлагает стотысячный банк; усаживаются, кричат от восхищения, что дядя наконец опять играет, поздравляют его, выговаривают разные плоскости; вокруг старого игрока составляется кружок, – новые колоды трещат в руках понтеров; – играют.

А молодой человек все прильнул к двери, – окраина врезалась ему в лицо... и невольно вспоминает он свое детство, – ищет глазами отца, прислушивается, не голос ли няньки, – не зовет ли она его в теплую постельку, не манит ли его игрушкой... ему хочется обмануть себя... тщетно! Пред ним холодное, неумолимое лицо палача: палач вынимает карту за картой и ставит их на жизнь или смерть – багровые круги вертятся около нагоревших свечей, часы пробили

⁸ ...в любом романе... – Описание игры в карты было распространено в литературе того времени (вспомним «Шагреневую кожу» Бальзака, «Счастье игрока» Э.-Т.-А. Гофмана, «Пиковую даму» Пушкина, «Штосс» Лермонтова и многие повести самого Одоевского).

половину двенадцати. Молодой человек вспоминает о прекрасной душистой записке, прижимает ее к губам, слезы текут из его глаз, – он проклинает и карты, и себя, и рождение, и жизнь, и детство, и свое воспитание, проклинает все, что только представляется его памяти, все! Он готов предупредить своего палача, – ворваться в середину игроков, швырнуть со стола, карты, размозжить головы, броситься из окошка... но вот говор игроков умолк, – видно, решительная минута... все стихло – все наклонились на стол, слышно тихое трепетание маятника, отрывистые дрожащие голоса произносят как будто из могил: семерка... идет... убита... тройка... дама... плие⁹...

«Ва-банк!» – вскричал палач громовым голосом...

Молодой человек отбежал от двери и упал без чувств на диван...

Через несколько времени довелось мне быть на макарьевской ярмарке¹⁰ по коммерческим делам. Старые и новые приятели затащили меня в какой-то дом истинного их приятеля, как говорили они, и где очень весело. Я поддался. Приходим; смотрю: квартира славная, убранство – и зеркала, и гардины, и мебели – очень красиво, точь-в-точь в зале петербургского парикмахера; оборотился на людей: шулер на шулере, а между ними наибольший, так все его уважают, так все ухаживают за ним.

Отворяются двери, – входят новые гости; глядь, ан мои старые знакомые дядя с племянником в дорожных платьях – и прямо на шею к набольшему-то.

«Ну, брат, Ванюша, – проговорил басистый дядя, – поздравляю; вот тебе твой сынок; можешь на него положиться: верный помощник, верная опора на старости; отучил молодца; он больше... не понтирует».

⁹ *Плие* – увеличение ставки в восемь раз.

¹⁰ *Макарьевская ярмарка на Волге* – названа так по находившемуся поблизости монастырю св. Макария. В 1817 г. была перенесена к Нижнему Новгороду и стала именоваться «Нижегородской».